

Научная статья

DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2026-1-158-175

МЕХАНИЗМЫ «ОТМЕНЫ» НАСЛЕДНИКА ПРЕСТОЛА В РОССИИ: I ЧЕТВЕРТЬ XVIII — I ЧЕТВЕРТЬ XIX В.

Пронкин С.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

Pronkin@spa.msu.ru

Соловьев К.А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация

KSoloviov@spa.msu.ru

Аннотация. Понятие «культура отмены» в политике может быть использовано для обозначения механизмов, применяемых в политической коммуникации с целью лишить того или иного политического актора возможности использовать государственную власть, для достижения собственных целей. Будучи актом коммуникации, «отмена» находится в сложной связи с деятельностью по физическому устранению политических акторов или же репрессивной политикой. Задача данной статьи — выявить в истории Российского государства XVIII–XIX вв. механизмы «отмены» наследника престола, использованные для замены одного наследника на другого или же для изменения принципов наследования; обозначить типологически близкие элементы в применении этих механизмов. Результатом исследования стало выявление одной общей черты двух процессов «отмены» — чрезвычайно значимой роли, которую играли личные качества «отменяемого» наследника престола. Выявленные специфические черты каждого из кейсов отмены состояли в том, что в I четв. XVIII в. был задействован механизм демонстративной, а в I четв. XIX в. — скрытой отмены.

Ключевые слова: история России, политическая культура, политическая борьба, культура отмены Петр I, Алексей Петрович, Александр I, Николай I, Константин Павлович.

Для цитирования: Пронкин С.В., Соловьев К.А. Механизмы «отмены» наследника престола в России: I четверть XVIII — I четверть XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2026. Т. 23. № 1. С. 158–175.

Дата поступления в редакцию: 29.08.2025

MECHANISMS FOR “CANCELLING” THE HEIR OF THE RUSSIAN MONARCH: FIRST QUARTER OF THE 18th — FIRST QUARTER OF THE 19th CENTURIES

Pronkin S.V.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Pronkin@spa.msu.ru

Soloviev K.A.

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
KSoloviev@spa.msu.ru

Abstract. The concept of “cancel culture” in politics can be used to denote the mechanisms used in political communication to deprive one or another political actor of the opportunity to use state power to achieve their own goals. As an act of communication, “cancel culture” is in a complex relationship with the activity of physical elimination of political actors or repressive policies. The objective of this article is to identify in the history of the Russian state in the 18th–19th centuries the mechanisms of “cancellation” of the heir to the throne, used to replace one heir with another or to change the principles of succession; to identify typologically close elements in the application of these mechanisms. The result of the study was the identification of one common feature of the two “cancellation” processes — an extremely significant role played by the personal qualities of the heir to the throne. The identified specific features of each of the cases of cancellation consisted in the fact that in the first quarter of the 18th century the mechanism of demonstrative cancellation was used, and in the first quarter of the 19th century — hidden cancellation.

Key words: history of Russia, political culture, political struggle, culture of abolition Peter I, Alexei Petrovich, Alexander I, Nicholas I, Konstantin Pavlovich.

For citation: Pronkin S.V., Soloviev K.A. Mechanisms for “cancelling” the heir of the Russian monarch: first quarter of the 18th — first quarter of the 19th centuries // Lomonosov Public Administration Journal. Series 21. 2026. Vol. 23. № 1. P. 158–175.

Received: 29.08.2025

Понятие «культура отмены» было предельно актуализировано в первой четверти XXI в., в сфере борьбы за утверждение новой парадигмы справедливости, вырабатываемой активизмом «меньшинств при использовании разнообразных форм межличностного взаимодействия, свободных ассоциаций и открытых комьюнити, гражданских инициатив и коммуникативных площадок»¹. Основное содержание «культуры отмены» не в критике тех или иных фигур или явлений, а в создании знаковой системы (семиотики поступка), дополненной набором ценностей (аксиология поведения), в рамках которых определенные действия подлежат отторжению, осуждению и отрицанию, потому что это поведение *нарушает новую норму*. Соответственно «культура отмены» представляет собой процесс автоматизации принятия решений об осуждении того или иного поступка, а вместе с ним и человека, этот поступок совершившего. Именно этим культура отмены отличается от решения суда, поскольку в основе судебного решения лежит установление нарушения действующей нормы, а «культура отмены» опирается на эмоциональное отторжение поступков, прежде считавшихся «нормой», что должно вести к «продвижению ... другой идеологической нормативной “повестки”»². «Отмена» не является наказанием, поскольку любое наказание имеет своим целеполаганием сохранение нормы, а «культура отмены» — ее трансформацию. Результатом, к которому стремится деятельность по «отмене поступка» или в «отмене персоны» должна стать «отмена института», в рамках которого «поступок» расценивается как норма или даже проявление героизма, а «персона» — как приемлемая для общества или же наделяется элементами почитания — авторитетом, славой, уважением.

В этом смысле далеко не все решения, содержащие элементы запрета и осуждения (остракизм в античных полисах или отлучение от церкви средневековом христианстве³) могут автоматически быть причислены к «культуре отмены». Для того чтобы соотнести

¹ Пономарев М.В. Ценностный императив гражданского активизма (К проблеме аксиологической детерминации патриотического воспитания) // Власть. 2023. № 6. С. 127.

² Былевский П.Г., Цацкина Е.П. Феноменологический анализ явления «культура отмены» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 2 (857). С. 164.

³ Астафурова Т.Н., Палашевская И.В. Дискурс культуры отмены в англосаксонской академической среде // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2024. № 4. С. 72.

ту или иную деятельность (политическую, управленческую, религиозную или общественную) как «культуру отмены», нужно установить в ней элементы «сдвига нормы», необходимость которого утверждается «отменой». Так, образ Святополка Окаянного в текстах, созданных при Ярославе Мудром и его сыновьях, был использован для утверждения новой парадигмы власти, ориентированной не на скандинавские традиции, в которых общая для всего рода конунгов легитимность должна быть дополнена персональной «удачей»⁴ (что вело к многочисленным династическим кризисам и междоусобицам⁵), а на христианскую норму «царской власти». «Отмена» Святополка стала одним из первых и наиболее ярких инструментов в борьбе за право потомков Ярослава на власть над всеми русскими землями с одной стороны и церкви — за исключительное право на легитимацию великокняжеской власти. В дальнейшем, в истории России возникало немало ситуаций, когда необходимо было задействовать механизм отмены того или иного актора для того, чтобы обозначить «сдвиг нормы».

Цель данной статьи — выявить в истории российского государства XVIII–XIX вв. механизмы «отмены» наследника престола; обозначить типологически близкие элементы в применении этих механизмов, а также выявить «сдвиг нормы» в действующем механизме транзита власти. Для достижения этой цели используется метод кейсов. В ходе анализа каждого из предложенных кейсов авторы решают задачи: а) выявить ценностное содержание изменений в политике и управлении, для утверждения которых необходимо было задействовать «культуру отмены», б) указать на символическое значение тех «сигналов», которые должно было получить общество под воздействием «культуры отмены»; в) обозначить инструментарий, использованный для «отмены» претендента на власть. В качестве модельных ситуаций были выбраны исторические моменты, когда страна находилась в состоянии кризиса легитимности: в первом кейсе вызванного «петровской» трансформацией власти I четверти XVIII в.; во втором — ситуации, предшествовавшей революционному кризису, получившего в отечественной историографии наименование «восстание декабристов».

⁴ Таланова И.В. Происхождение королевской власти в Норвегии и ее образ в «Круге Земном» // Наука и школа. 2012. № 4. С. 171.

⁵ Суходольский Д.Н. Генеалогия как инструмент династической борьбы за престол между Харальдом III Суровым и Свейном II Эстридсенем // Вестник ННГУ. 2021. № 4. С. 78.

XVIII век. «Отмена» наследника Алексея Петровича

Понятие «нормы» применительно к транзиту государственной власти в России XVII в. было двойственным, что определялось столкновением факторов, семиотика которых находилась в двух разных плоскостях. Одна плоскость — это избрание царя Земским собором, что знаменовало собой общенародное согласие и российскую конкретно-историческую форму «общественного договора», если бы в начале этого века такая терминология могла существовать. Соответственно, в этой плоскости царь — это консенсусная фигура, результат и символ народного единства, что и было зафиксировано «Утвержденной грамотой» 1613 г.: «А на соборе были Московскаго государства и изо всех городов Росийскаго царствия власти ... и изо всех городов всего Росийскаго царствия выборные люди, которые присланы с выборы за всяких людей руками о государском обиранье»⁶.

Решения условно-избирательных земских соборов XVII в. институализировали переход власти к наследнику в символическом действии — «избрании царя». Как писал Л.В. Черепнин, по поводу собора 1645 г., «речь, очевидно, должна идти не об избрании в смысле выбора одного претендента из нескольких, а об утверждении законного наследника по прямой линии»⁷.

И здесь мы переходим ко второй плоскости — представлению о наследнике, как прямом потомке всех царствующих в России особ (начиная от Рюрика) и духовном потомке византийских императоров. Это представление о непрерывности монархической власти актуализировало семиотическую роль венчания на царство шапкой Мономаха, что и было максимально ярко выражено в речи Федора Алексеевича при венчании на царство: «всяя Великия России великие государи, цари и великие князи, от великаго князя Рюрика, и от благочестиваго и равноапостольнаго великаго князя Владимира Святославича, ... и от благочестиваго великаго князя Владимира Всеволодовича Мономаха, иже превысочайшую честь и царский венец и диадиму от греческаго царя Константина Мономаха восприим: сего ради и Мономах наречеса, от него же вси великие государи царствия венцем венчавхуса, даже до великаго государя хвалам достойнаго, праведнаго и благочестиваго, блаженныя памяти

⁶ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова М., 1906. С. 74.

⁷ Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства XVI–XVII вв. М.: Наука. 1978. С. 273.

деда нашего, великаго государя, царя и великаго князя Михаила Феодоровича, всея России самодержца, на сем царском престоле недвижими быша»⁸.

Культурно-политическая трансформация России в первой четверти XVIII в. имела целью изменение всех основ власти, деинституализацию как византийского наследства, так и наследия Земских соборов. Новая политическая культура, после «смены культурной ориентации ... на Римскую империю»⁹ должна была формироваться на базе «первого Рима». Отказ Петра I от «византийской модели» государственности, как условия для строительства новой империи, был неоднократно отмечен отечественными историками и культурологами¹⁰. Здесь же мы обратимся к тому, как «отмена наследника» стала инструментом в политике трансформации российской государственности.

Конфликт Петра I с наследником с самого начала развивался и как личностный, и как культурно-политический. Именно поэтому Петру было недостаточно устранить старшего сына, как претендента на престол. Ему нужна была «отмена» тех двух основополагающих принципов, на которых осуществлялся транзит власти (наследование по старшинству рождения и по утверждению земским собором) потому, что в этой модели транзита Петр являлся не актором, а лишь зрителем процесса, в котором воплощено действие двух волей: «божественной» (определяющей, кто и когда родится и кто доживет до транзита) и «народной» (закрепляющей, пусть и формально, на Земском соборе, право на власть за наследником). Главным мотивом «отмены наследника», таким образом, становится «субъективация» Петра в процессе транзита власти и «объективация» прежних символических акторов: божественной воли и воли народа.

Обратимся к ключевому тексту «культуры отмены» — трактату Ф. Прокоповича «Правда воли монаршей». Отрицание права народа или его представителей каким-то образом воздействовать на решения монарха содержится уже в предисловии: «Уставы бо

⁸ Чин поставления на царство государя, царя и великаго князя Федора Алексеевича // ПСЗ. Собрание I. Т. 2. СПб. 1830 № 646. С. 52.

⁹ Успенский Б.А. Петр Первый и переосмысление понятия империи // Факты и знаки: Исследования по семиотике истории. Вып. 3 / под ред. Б.А. Успенского и Ф.Б. Успенского. М. — СПб., 2014. С. 213–214.

¹⁰ Успенский Б.А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М.: 2000.; Анисимов Е.В. Петр Великий и его империя // Кунсткамера. 2022. № 1. С. 6–11.

и всякие законы, от Самодержцев в народ исходящие, у подданных послушания себе не прося ... не токмо Монаршии уставы и законы не требуют себе ни каковой от учительских доводов помощи, силою свыше себе данную совершенно укрепляемые, но и кто показал бы себе аки помощником властительских определений, тот бы немало погрешил, на беспрекословное повелительство Самодержцев...»¹¹

К моменту публикации этого трактата демонтаж всех органов сословно-представительной монархии был фактически завершен и «отмена» права Земских соборов в теории только следовала за практикой. Что же касается принципа престолонаследия по прямой нисходящей линии, то Прокопович предложил три логические конструкции, две из которых прямо отражают состояние европейской политической мысли начала XVIII в. и ведут к разрушению этого принципа.

Первая логическая конструкция — это многократно воспроизводимый на протяжении всего текста трактата тезис «власть от Бога». Она не могла не присутствовать в тексте трактата, хотя бы потому, что писал его священник. Но ее присутствие — это лишь фон, на котором в качестве действенных аргументов прописаны две другие конструкции.

Вторая конструкция рациональна: управление в государстве проистекает из семейных отношений и является их логическим продолжением, что было развитием концепции Локка об «отцовской юрисдикции» во власти¹². А в семье власть — у отца: «аще сын явится злонравен, непокорен родителем, наставление отменяючи, дому своему бесчестие или и разорение наводящи, того родители ... праведно могут лишить наследия...»¹³. Здесь, следуя отмеченной выше тенденции искать образцы в «первом Риме», Прокопович указывает на «консула первого» Брута, который «казнил сынов своих смертью за измену» и императора Мануила, казнившего сына «за преслушание указа его»¹⁴. Поэтому личные качества «отменяемого» наследника, «злонравного и непокорного», играют важную роль, а Алексей представлен в трактате, прежде всего, как «злонравный» сын.

¹¹ Прокопович Ф. Правда Воли монаршей в определении державы своей. СПб., 1722. С. I.

¹² Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк. Дж. Сочинения в трех томах. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 302.

¹³ Прокопович Ф. Правда Воли монаршей в определении державы своей. СПб., 1722. С. 3.

¹⁴ Там же. С. 10.

Третья конструкция, более сложная и самая современная на тот момент, требовала нескольких логических шагов:

1. Самодержавная монархия (при сохранении общего принципа власть — от Бога) — прямое воплощение воли народа и «имеет начало от Первого в оном народе согласия...» и «всенародного намерения, которым монархия введена»¹⁵.
2. Смысл государственной власти — в достижении и поддержке «общего блага» (в терминологии Прокоповича «добра общего народа»¹⁶).
3. Если самодержец осознает, что его деятельность к «добру общему» не ведет, то он вправе» действовать по своей воле и «сам себе отрешити Царствования»¹⁷.
4. А если он может сам себя власти лишити «то колма паче сына своего может отрешити от наследия короны». Ключевой аргумент в историческом обосновании такого права — оттуда же, из Рима: «Может Государь принять себе другого в товарищи: что многие творили Государи Римские и сами государи нарицалися Авусты Кесари ... А от сего паки утверждается, что и наследника по себе определяти на воли Государя свои лежит»¹⁸.

Итак, в данном кейсе со всей очевидностью проступает трансформационная функция «отмены» наследования власти Алексеем Петровичем. Фигура наследника престола, его личные качества и его судьба, для автора трактата не более чем повод для того, чтобы обосновать «субъектность» действующего императора в сфере транзита власти, его *абсолютное право* воздействовать на судьбу страны и после смерти, если его решения ведут к «общему благу». Отметим также, что «отмена» проходила в первую очередь в сфере исторической памяти. Историческая память, ориентированная на историю императорского Рима, легла в основание двух (из трех) логических конструкций новой (предполагаемой) системы транзита власти. Если представить содержание трактата Прокоповича максимально коротко — это попытка *институализации субъектности личности правителя* (как это было в «первом» Риме) в противовес в субъектности его *должности* (как это было в Риме втором — Византии и третьем — Московском царстве XVIII в.).

¹⁵ Там же. С. 28 и 29.

¹⁶ Там же С. 27.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 36.

XIX век. Отмена наследника великого князя Константина Павловича

Император Павел I оказал России услугу, на которую обычно не обращают внимания. Он был отцом десяти детей, из них — четырех мальчиков. Известно, что династия Романовых пресеклась, по мужской линии, в 1730 г. со смертью императора-подростка Петра II. Но она могла прекратиться и по женской линии, если бы Павел I умер бездетным. Теперь эта угроза миновала.

Сыновья у императора рождались парами, причем между ними был большой возрастной разрыв. Александр Павлович родился в декабре 1777 г., Константин Павлович — в апреле 1779 г., Николай Павлович — в июне 1796 г., Михаил Павлович — в январе 1798 г. В результате братья так и держались парами, где старший из них был лидером. Нас будет больше интересовать старшая пара — Александр и Константин. Разница между ними была менее полутора лет, поэтому Екатерина II воспитывала их вместе. В результате у них оказался один главный воспитатель — знаменитый Ф.Ц. Лагарп. Но его воспитательные усилия принесли разные результаты. Старший из братьев походил на бабушку, любимцем которой был. Привлекательный внешне, он был обходительным, дипломатичным, умел нравиться людям. Напротив, Константин напоминал своего отца. Малопривлекательный, со вздернутым носом, он был упрям и неуравновешен. Среди педагогических методов Лагарпа был следующий: он заставлял провинившегося переписывать по несколько раз то, что учитель ему диктовал. В частности, Константину пришлось записать следующее: «В 12 лет я ничего не знаю, не умею даже читать. Быть грубым, невежливым, дерзким — вот к чему я стремлюсь. Знание мое и прилежание достойны армейского барабанщика. Словом, из меня ничего не выйдет за всю мою жизнь»¹⁹. Князь Адам Чарторыйский в своих воспоминаниях писал о Константине: «его характер, своевольный, вспыльчивый, не признающий никаких внушений кроме устрашения, не сообщал никакой привлекательности тесному сближению с ним»²⁰. Лагарп не случайно сравнил Константина с армейским барабанщиком. Один из воспитателей великих князей вспоминал: «Константин был жив и скор. Он любил военное ремесло от самых юных дней своих. С кучкой малолетних солдат ездил я иногда в Сарское Село

¹⁹ Письма из записки Великого князя Константина Павловича к Лагарпу, писанные в детском возрасте // Сборник РИО. Т. 5. СПб., 1870. С. 56.

²⁰ *Чарторыйский А.* Мемуары. М.: ТЕРРА, Книжный клуб, 1998. С. 78.

тешить юных принцев крови. Там довелось мне и Константина Павловича ставить с своими ребятами в одну шеренгу и учить их маршировать, что приносило ему всегда большое удовольствие»²¹

Великий князь унаследовал от своего отца пристрастие к военной службе, точнее, к ее мелочам, внешним формам. Когда ему в пример ставили старшего брата, он отвечал: «Он (будущий) царь, а я солдат, что мне перенимать у него?»²². В этом качестве он уютно чувствовал себя в правление Павла I, гатчинские нравы вполне соответствовали его характеру и взглядам. Современники вспоминали, что боялись великого князя как сторонника жесткой воинской дисциплины больше, чем его грозного отца-императора. С военной службой Константина Павловича связан и самый блестящий эпизод его биографии — участие в Итальянском походе А.В. Суворова. Но, как это нередко бывает, зрелище реальной войны превратила его — любителя парадной стороны армейской жизни — в достаточно миролюбивого человека. Он был сторонником взгляда, что «война портит армию».

Известно, что Павел I произвел одно из крупнейших для монархического государства преобразований — издал Акт о престолонаследии, которым воля государя заменялась обезличенным набором правил, а процесс транзита государственной власти из максимально субъективного становился *институциональным*. Понимая важность данного акта, Павел Петрович лично огласил его и распорядился поместить в Успенском соборе Московского Кремля в специально изготовленном ларце, где должны были храниться «фундаментальные законы» Российской империи. С этого времени «норма» в транзите власти приобрела черты регламента, была *объективизирована*.

Согласно Акту о престолонаследии, наследником престола «избирался... по праву естественному», его старший сын Александр, «а по нём всё его мужское поколение». В случае пресечения данной линии, «наследство переходит в род второго моего сына» Константина, «и так далее, если бы более у меня сыновей было; что и есть первородство». По пресечении мужских линий сыновей Павла I, престол переходил к женской линии потомков последнего императора-мужчины²³. Издание Акта, таким образом, имело целью

²¹ Долгоруков И.М. Капище моего сердца. М. 1890. С. 149.

²² Карнович Е.П. Цесаревич Константин Павлович. Биографический очерк. СПб. 1899. С. 38. С. 134.

²³ ПСЗ. Т. XXIV № 17910. 5 апреля 1797. С. 587–589.

исключение возможности политической «отмены» наследника, подобно той, которая произошла с его отцом.

Оглашенное вместе с Актом о престолонаследии Учреждение императорской фамилии повторяло его основные положения. Для нас интерес представляет следующее положение Учреждения. Согласно его § 30 и 31, «титул наследника, цесаревича, великого князя и императорского высочества принадлежит одному объявленному всенародно наследнику престола», также «титул цесаревича всегда соединён с тою особою, которая действительно в то время наследником престола назначена»²⁴. Следовательно, цесаревичем мог именоваться только наследник престола.

Однако уже в 1799 г. Павел нарушил свой же закон, присвоив титул цесаревича за «вящие заслуги» во время Итальянского похода еще и Константину Павловичу. Этот титул Константин Павлович продолжал носить в правлении своего старшего брата Александра Павловича и младшего Николая Павловича. И если в правление первого он действительно считался престолонаследником из-за отсутствия у Александра законных детей, то у Николая I они были. Тем не менее титул за Константином был сохранен.

Как отмечалось, между братьями существовали теплые семейные отношения. Но Александр I не мог не понимать, что его брат не обладает качествами, необходимыми для монарха. Он был не политиком, а офицером-фрунтовиком. По меткому замечанию А. Чарторыжского, «Константин был превосходный знаток военного искусства, в пределах усовершенствования парадов, и Александр не мог отрешиться от очень высокого мнения о своем брате в этом отношении»²⁵. В этом усматривают один из мотивов удаления Константина Павловича из Петербурга под благовидным предлогом назначения его командующим армией Царства Польского²⁶.

К тому же он также был бездетен. Его семейная жизнь для лиц данного круга была скандальной. В Польше он сошелся с графиней Ж. Грудзинской, на которой решил жениться. 20 марта 1820 г. последовал манифест о расторжении его брака с Анной Фёдоровной, урожденной принцессой Саксен-Кобург-Заальфельдской. Его права на наследование престола сохранялись, но делалась важная оговорка — если он вступит в брак с женщиной, которая не принадлежит к правящему дому, то она не будет включена в состав

²⁴ Учреждение об императорской фамилии. Москва, 1797. С. 16.

²⁵ Чарторыжский А. Мемуары. М.: ТЕРРА, Книжный клуб, 1998. С. 83.

²⁶ Кучерская М.А. Константин Павлович. М.: Молодая гвардия. 2005. С. 124.

императорской семьи, а дети, рожденные в данном браке, не могут наследовать престол. Это значило, что Константин мог править сам, но без права закрепить его за своими возможными наследниками, рожденными в браке с княгиней Лович (титул, который получила графиня Грудзинская). Считается, что при разводе он обещал не претендовать на престол.

Главное, что сам Константин Павлович не стремился к занятию престола. Помня судьбу своего отца, на которого походил и внешне, и по складу характера, он полагал, что его ожидает та же судьба, займи он престол: «Меня задушат, как задушили отца»²⁷. В декабре 1825 г., в письме матери, он уверял, что решение не занимать престол он принял 24 года назад, т.е. в 1801 г., — сразу после смерти отца²⁸. Константин не раз повторял, что царствовать не хочет, что не чувствует в себе ни сил, ни способностей для управления огромным государством. Об этом он неоднократно говорил своему старшему брату. В 1821 г. он поделился этой тайной со своим младшим братом Михаилом²⁹.

В январе 1822 г. Константин, находясь в Петербурге, подтвердил свою решимость отказаться от прав на престол в присутствии вдовствующей императрицы Марии Федоровны и императора Александра I. «Сегодня вечером все устроилось, — рассказывал цесаревич в тот же день своему брату Михаилу Павловичу. — Я окончательно подтвердил государю и матушке мои намерения и неизменную решимость. Они поняли и оценили мой образ мыслей»³⁰.

Чтобы придать делу официальный характер, Константин 14 января 1822 г. направил императору письмо следующего содержания: «Не чувствуя в себе ни тех дарований, ни тех сил, ни того духа, чтоб быть, когда бы то ни было, возведену на то достоинство, к которому по рождению моему могу иметь право, осмеливаюсь просить Вашего Императорского Величества передать сие право тому, кому оно принадлежит после меня, и тем самым утвердить навсегда непоколебимое положение нашего государства. Сим могу я прибавить еще новый залог и новую силу тому обязательству, которое дал я непринужденно и торжественно, при случае развода моего с первой моей женой»³¹. По свидетельствам самого цесаре-

²⁷ Трубецкой С.Н. Записки // Мемуары декабристов. М., 1988. С. 37.

²⁸ Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.-Л., 1926. С. 151.

²⁹ Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1857. С. 13.

³⁰ Там же. С. 16.

³¹ Там же. С. 17–18.

вича, письмо было написано по просьбе Александра I вследствие «изустных предложений» Константина. Ответным письмом от 2 февраля 1822 г. Александр разрешил Константину следовать его «непоколебимому решению». 16 августа 1823 г. был подписан императором, но не опубликован манифест, возвещающий об отречении цесаревича. Его подлинник был помещен в известный нам ларец в Успенском соборе Московского Кремля, копии — в высших государственных учреждениях империи: Государственном совете, Сенате и Синоде.

Таким образом «отмена» Константина Павловича в качестве наследника престола приобрела двойной характер: а) семейного решения и б) бюрократической процедуры. Но она не получила ритуально-церемониального оформления, не стала публичной, не стала актом *символической политики*, что ставило под сомнение легитимность этого решения. По каким причинам император решил не придавать делу огласки? Возможно, он благородно не захотел связывать волю Константина Павловича, оставляя ему шанс пересмотреть свое решение. Возможно, это была свойственная ему политическая игра, желание иметь двух возможных наследников — явного и тайного — и этим контролировать их. Современники давали этой странной истории и такое объяснение. Императору Александру I легко было блистать на фоне непопулярного среди аристократии Константина, но он выглядел бы не так привлекательно, если бы его сравнивали с Николаем Павловичем.

Так или иначе, об отречении Константина знали очень немногие люди. Александр I летом 1819 г. частным образом сообщил об этом своему брату Николаю Павловичу и его супруге Александре Фёдоровне. В записках Николая I это выглядит так: «Государь начал говорить... что скоро он лишится потребных сил, чтоб по совести исполнять свой долг, как он его разумеет; и что потому он решился, ибо сие считает долгом, отречься от правления с той минуты, когда почувствует сему время, что он неоднократно о том говорил брату Константину Павловичу, который, быв одних с ним почти лет, в тех же семейных обстоятельствах, притом имея природное отвращение к сему месту, решительно не хочет ему наследовать на престоле, тем более, что они оба видят в нас знак благодати божией, дарованного нам сына. Что поэтому мы должны знать наперед, что мы призываемся на сие достоинство...»³².

³² Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.-Л., 1926. С. 13.

Итак, кроме «врожденного отвращения от престола», император указывал на два обстоятельства, которые заставляли его подержать в этом вопросе брата: они ровесники, неизвестно было кто кого переживет, они оба бездетны, а у Николая уже был сын — будущий император Александр II. Но официально об этом объявлено не было, наследником продолжал считаться Константин.

Таким образом, «норма», установленная Павлом I, была скорректирована: регламентация транзита власти была соединена с «семейным решением», публичный характер нормы заменен на тайное решение, принимаемое узким кругом лиц. Фактическая «отмена» прав Константина Павловича на престол, не сопровождалась *актом символической политики*, смысл которого в том, чтобы сформировать представление о законности (легальности) произведенной «отмены», ее желательности и «правильности» (легитимности), а также процедурной корректности. Именно это — отказ от любого действия в символической политике и стало одним из условий кризиса, разразившегося в конце 1825 г.

После подавления выступления «декабристов» и утверждения на троне Николая I, Константин Павлович остался в Варшаве командующим армией, а фактически — наместником Царства Польского. Между новым императором и цесаревичем Константином установились отношения, которые заметно отличались от тех, которые существовали между старшими сыновьями Павла Петровича. Во-первых, сказывалась большая разница в возрасте — более 17 лет. Константин являлся не только старшим братом Николая, но он ему практически годился в отцы. Во-вторых, на данные отношения не мог не влиять тот факт, что Константин фактически подарил Николаю престол. 13 декабря 1825 г. последний писал старшему брату «Желания вашего высочества исполнены. Я вступил на ту степень, которую вы мне указали и коей, быв законом к сему предназначены, вы занять не восхотели. Воля ваша совершилась!». При этом он рассматривал Константина как своего вождя и наставника. «Вашего высочества искренно душевно верноподданный», — подписал он письмо³³. «Что ж, Николас, поклонись своему брату, ибо он почтителен и возвышен в своей неизменной решимости отречься от престола перед тобой», — сказала новому императору его мать Мария Фёдоровна. Позже Николай признавался, что эти слова для него были тяжелы. «Кто большую приносит из нас двух жертву, тот, кто

³³ Там же. С. 17.

отказался от престола, или кто согласился его принять при данных обстоятельствах?» — спрашивал он себя³⁴.

Эти два обстоятельства заставляли Николая I максимально корректно относиться к своему брату. В его честь он назвал своего второго сына Константином, советовался с ним по широкому кругу вопросов внешней и внутренней политики, мало вмешивался в дела Царства Польского. Но одновременно это не могло не создавать напряжение во взаимоотношениях между братьями. «Я нахожу, что положение ваше и брата вашего неестественно; история ничего подобного нам не представляет, следовательно, и обоюдные ваши отношения должны быть неестественны», писал цесаревичу его доверенный корреспондент Ф.П. Опочинин³⁵.

Два брата в чем-то похожи. В бытовом отношении они были привержены парадной стороне армейской жизни, в политическом — противники либерально-конституционных мечтаний, которым часто предавался Александр I. Но в их характере было немало различий. Константин Павлович был человеком неуравновешенным, вспыльчивым, резким с подчиненными. Николай Павлович, напротив, обладал высокой самоорганизацией и самодисциплиной.

К этим различиям в характерах добавлялись и расхождения административно-политические. Константин «влюбился» в Польшу и поляков, гордился созданной им армией, которая браво выглядела на парадах, которые он так любил. Он защищал привилегии Польши, ее конституцию, которую сам же часто нарушал, был сторонником передаче ей бывших территорий Речи Посполитой. Цесаревич отстаивал эти идеи перед императором, настаивал на лояльности ему поляков³⁶. Спустя несколько дней после восстания декабристов он писал Николаю: «Слава Богу, до настоящего времени среди этих гнусных открытий не скомпрометировано имя кого бы то ни было из тех, которых мой покойный благодетель соблаговолит вверить моему начальствованию... Здесь все спокойно и удивлено, и возмущено петербургскими ужасами»³⁷. Император иначе рассматривал положение дел в Царстве Польском, но потребовать от брата большей жесткости он по вышеназванным причинам не мог.

³⁴ Там же. С. 74.

³⁵ Цит. по: Карнович Е.П. Указ. соч. С. 183.

³⁶ Но он раздражал многих поляков своей грубостью, авторитарными замашками, презрением к дарованным Царству Польскому правам. Поэтому они, прежде всего молодежь, стали готовить восстание.

³⁷ Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М.-Л., 1926. С. 169.

Впрочем, Николай Павлович, укрепившись на престоле, стал менее внимательно относиться к просьбам старшего брата, что вызывало его брюзжание, жалобы на наступающую старость, ухудшающееся здоровье и подобное. «Время иллюзий прошло, то время, где все кажется прекрасным, пора очистить место другим», — писал Константин своему бывшему наставнику Лагарпу, поздравляя его с наступавшим 1829 годом³⁸. Тем не менее, открытого конфликта между братьями не было, они сохраняли во взаимном общении максимальную корректность. Константин оставался главнокомандующим польской армии и фактическим хозяином Царства Польского.

Развязка наступила в ноябре 1830 г. В Польше началось восстание, к которому присоединилась большая часть польской армии, которую долгое время пестовал цесаревич. Это восстание стало грандиозным провалом цесаревича, который фактически управлял Польшей в течение 15 лет. Встал вопрос о его участии в подавлении восстания. Константин отверг предложение энергичными действиями подавить восстание, не давая ему разрастись. Поэтому подавление мятежа было поручено фельдмаршалу И.И. Дибичу, с которым цесаревич враждовал. Константин Павлович не был готов активно участвовать в подавлении восстания, его влиянию приписывали решение Дибича не преследовать разбитые на подступах к Варшаве под Гроховым польские войска, что позволило бы закончить боевые действия одним ударом. Но одновременно он не желал покидать армию, переживая за оставшиеся ему верные польские части. 3 (15) января 1831 г. Николай I, недовольный позицией Константина, резко написал ему: «Кто из двоих должен погибнуть — Россия или Польша? Решайте сами»³⁹.

Как бы развивались события дальше, какова была бы дальнейшая роль Константина, его отношения с императором Николаем I — неизвестно. Понятно, что она должна была резко измениться не в лучшую для него сторону. Но цесаревич ненадолго пережил свое политическое фиаско. Он умер 15 (27) июня 1831 г. в Витебске от холеры, эпидемия которой проникла в армию. Так закончились те ненормальные отношения, которые существовали между императором Николаем I и его старшим братом.

Сопоставляя два события «отмены» наследника престола можно указать на общие черты. Первая — чрезвычайно значимая роль, которую играли личные качества наследника престола. И в первом,

³⁸ Сборник РИО. Т. 5. СПб., 1870. С. 77.

³⁹ Цит. по: *Шильдер Н.К.* Император Николай Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 2. С. 304.

и во втором случае — это были качества «не монарха»: слабость, нерешительность, капризность, зависимость от чужого мнения у Алексея Петровича, в сочетании с его неприятием политики отца и набором обстоятельств личной биографии Константина Павловича, в сочетании с его равнодушием к государственной жизни. Еще одна общая черта двух актов «отмены» — использование «семейных» решений в государственных делах, что неизбежно подрывало институциональность транзита власти (в первом случае — институциональные формы XVII в., во втором — институты, введенные Павлом I).

Но необходимо указать и на важнейшие различия в действиях по «отмене» наследника первой четверти XVIII и первой четверти XIX в. В первом случае «отмена» наследника стала поводом для полного разрушения прежде действующих институтов транзита государственной власти и замены их на субъективную волю государя. И эта «отмена» была проведена в максимально открытой форме, с использованием инструментов символической политики. Этот механизм отмены можно назвать *демонстративным*. Во втором случае бы задействован механизм *скрытой отмены*. Сама «отмена» Константина Павловича понадобилась для того, чтобы скорректировать транзит власти, в тех рамках, которые были заданы «Актом о престолонаследии» Павла I. Но проведено это было как «семейное дело», без обращения к обществу и без использования инструментов символической политики, что вызвало обратный эффект — ослабление институциональности и провоцирование кризиса власти.

Литература

Астафурова Т.Н., Палашевская И.В. Дискурс культуры отмены в англосаксонской академической среде // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2024. № 4. С. 70–82.

Былевский П.Г., Цацкина Е.П. Феноменологический анализ явления «культура отмены» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. № 2 (857). С. 162–169.

Долгоруков И.М. Капище моего сердца. М. 1890.

Карнович Е.П. Цесаревич Константин Павлович. Биографический очерк. СПб., 1899.

Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1857.

Кучерская М.А. Константин Павлович. М.: Молодая гвардия. 2005.

Локк Дж. Сочинения в трех томах. Т. 3. М.: Мысль, 1988.

Пономарев М.В. Ценностный императив гражданского активизма (К проблеме аксиологической детерминации патриотического воспитания) // Власть. 2023. № 6. С. 126–131.

Прокопович Ф. Правда Воли монаршей в определении державы своей. СПб., 1722.

Суходольский Д.Н. Генеалогия как инструмент династической борьбы за престол между Харальдом III Суровым и Свейном II Эстридсенем // Вестник ННГУ. 2021. № 4. С. 78–83.

Таланова И.В. Происхождение королевской власти в Норвегии и ее образ в «Круге Земном» // Наука и школа. 2012. № 4. С. 169–172.

Трубецкой С.Н. Записки // Мемуары декабристов. М., 1988. С. 19–76.

Успенский Б.А. Петр Первый и переосмысление понятия империи // Факты и знаки: Исследования по семиотике истории. Вып. 3 / под ред. Б.А. Успенского и Ф.Б. Успенского. М. — СПб., 2014. С. 209–250.

Успенский Б.А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.

Чарторижский А. Мемуары. М.: ТЕРРА, Книжный клуб, 1998.

Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства XVI–XVII вв. М.: Наука. 1978.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Пронкин Сергей Владимирович — доктор исторических наук, профессор факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *e-mail*: Pronkin@spa.msu.ru

Соловьев Константин Анатольевич — доктор исторических наук, профессор факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *e-mail*: KSoloviov@spa.msu.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Pronkin Sergey Vladimirovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; *e-mail*: Pronkin@spa.msu.ru

Soloviev Konstantin Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; *e-mail*: KSoloviov@spa.msu.ru